

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ № 3 • 2008

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

Россия и мусульманский мир

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ WORKING PAPERS

Серия «Рабочие материалы» основана в 1999 г.

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2.

Тел.: (495) 935-8904.

Факс: (495) 935-8906.

Эл. почта: info@carnegie.ru.

Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги:

<http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по вышеуказанному адресу.

В издании отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Редактор А. И. Иоффе

В издании анализируется политика Российской Федерации по отношению к мусульманскому сообществу, рассматриваются ее подходы к представителям радикального ислама. Дается характеристика связей России с некоторыми мусульманскими государствами в области добычи энергоносителей, а также в военно-технической сфере.

Об авторе

Алексей Всеволодович Малашенко — доктор исторических наук, профессор, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Между Востоком и Западом	5
Как менялся взгляд на мусульманский мир	6
Между исламом и Западом	9
Посредничество с исламистами: надежды не оправдываются.....	13
Россия и Центральная Азия	15
Что в энергетике?.....	16
Военно-техническое сотрудничество	20
Заключение	24
О Фонде Карнеги	26

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика уже давно не чужда религии. Обстоятельства межконфессиональных отношений учитываются при разрешении многих конфликтов. Внешнеполитический курс любой страны часто получает помимо прочего еще и религиозное обоснование, что делает его в глазах общества более понятным.

Насколько важно при выработке внешней политики учитывать религиозную принадлежность своего партнера или оппонента? «Основанная на вере дипломатия, — считает бывший государственный секретарь США Мадлен Олбрайт, — может быть полезным инструментом внешней политики... Влияние на политику возрождающегося религиозного чувства будет продолжаться»¹.

Справедливее всего это звучит в отношении мусульманского мира. И США, и Европа, и Россия, и Китай при всей избирательности подхода к каждой отдельно взятой мусульманской стране обязательно учитывают ее принадлежность к исламскому сообществу. Причины этого таковы:

- присущая исламу политизированность;
- обязательное членство каждой из таких стран в транснациональных мусульманских институтах;
- соблюдение (хотя бы частично и формально) на государственном и общественном уровнях исламской солидарности;
- существование трансграничного радикального религиозно-политического движения;
- географическое расширение ислама, его продвижение в Африке и Европе;
- существование в мусульманском мире и на пограничных с ним территориях конфликтных зон.

К этому можно добавить утвердившийся на рубеже веков на Западе тезис о необходимости демократизации *всего* мусульманского мира, что, в свою очередь, увязывается с реформой ислама и констатирует его гомогенность.

С другой стороны, существует и другое мнение, сводящееся к тому, что мусульманский мир — это миф или просто политическая спекуляция. Таких взглядов придерживается, например, авторитетный французский ученый Оливье Руа, который считает, что «геостратегии ислама не существует, поскольку не существует ни земли ислама, ни мусульманского сообщества»².

Проблема состоит в том, что во внешней политике невозможно полностью принять одно мнение или абстрагироваться от него. Безусловно, мусульманский мир с экономической и политической точек зрения представляет собой многоцветную мозаику, однако самоощущение единства исламской уммы относительно остального мира не может быть сброшено со счетов. Точно так же нельзя игнорировать религиозную составляющую всех конфликтов с участием мусульман. Двойкость подхода к мусульманскому миру как к некой политико-культурной целостности и в то же время искусственному конгломерату является объективно неизбежной, что отражается на характере отношений с ним.

¹ Albright M. Faith and Diplomacy // The Rev. of Faith & Intern. Affairs. — 2006. — Vol. 4. — № 2. — Fall. — P. 9.

² Roy O. L'Islam Mondialisé. — Paris: Seui, 2002. — P. 210.

Между Востоком и Западом

Для России дополнительной причиной внимания к религиозному фактору при определении внешней политики на мусульманском направлении является то, что она не определилась и не торопится определиться окончательно со своим геополитическим и *цивилизационным* выбором.

Во-первых, Россия не способна вписаться в западнохристианскую цивилизацию. Она не в состоянии занять полноценное место в западном сообществе, а в 2000-х годах вообще «рассохотела» его занимать.

Во-вторых, это толкает Россию к поиску на южном и восточном направлениях с упором на свою «бицивилизационную» идентичность. Этот подход зиждется на идеологии евразийства или, как его теперь иногда называют, неоевразийства. «Неоевразийство предлагает лидерам (России. — А. М.) такое стратегическое видение, которое освобождает незападные цивилизации от глобализма и предлагает сблизиться с мусульманскими странами, поскольку пропасть между ними и Соединенными Штатами все более расширяется»³.

На самом деле неоевразийство — это искусственная идеологема, которая не может быть применена ни к одному практическому аспекту внешней политики России, в том числе ни к российско-китайским, ни к российско-индийским отношениям, не говоря уже о попытках пробиться в Латинскую Америку. Карту неоевразийства невозможно разыграть в российско-исламских отношениях, хотя это и пытаются сделать некоторые российские мусульманские идеологи, прежде всего глава Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ Талгат Таджуддин.

Неоевразийство дорого лишь Казахстану, да и то по сугубо конъюнктурным соображениям, которые в ближайшие годы могут претерпеть существенные изменения.

Поиск в бицивилизационном направлении отягощен трудностями: по большому счету Россия — чужая и для Юга, и для Востока. Вспоминается без малого двухсотлетней давности высказывание русского философа Петра Чаадаева: «...Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого»⁴.

Одним из наиболее непонятных концептов официальной идеологии является «цивилизационная составляющая национальной безопасности», которая призвана «обеспечить защиту от внешних угроз для всех сфер жизнеобеспечения: политической и экономической систем, этнических и религиозных структур, культуры, всех форм общественного сознания, идентичности, традиций, образа жизни». Одновременно «важной составляющей национальной безопасности является также и религия», а «религиозные конфессии, и прежде всего православие, способствуют сплочению общества, увеличивают защитное духовное пространство»⁵.

Промежуточное положение между Западом и Востоком представляется удобным обоснованием для декларирования особых отношений с мусульманами. Москве иметь с ними дело проще, чем с европейцами и американцами. У мусульман к России не возникает вопроса, который характерен для ее отношений с Западом, — о соответствии российской политической системы общепринятым демократическим стандартам. В 2007 г. во время поездки президента Владимира Путина по мусульманским странам для него стал разыгрываться совершенно иной «спектакль», распахнул свои двери другой мир, в котором не существовало скольких тем, а сплошь приятные — бесконфликтное, лишенное тени подозрительности и взаимных упреков турне...

Даже в «развернутой на Запад» Турции, например, обращают внимание на то обстоятельство, что в отличие от европейцев и американцев российские политики относятся к турецким политикам с уважением. Отмечают турки и общность политических культур, в частности особый упор на центральную роль государства⁶.

Мусульманские руководители никогда не поднимают тему прав человека. Они не столь остро, как ожидалось, критиковали Москву за войну в Чечне. По признанию российских дипломатов в Комиссии по правам человека в Женеве, Россия выступала заодно с мусульманскими странами, в частности, с Саудовской Аравией, и они «сняли» вопрос о Чечне. Россия, в свою очередь, не призывает мусульман к демократии, не вмешивается в их внутренние дела, выражая

³ Chaudet D., Parmentier F., Pelopidas B. L'empire au miroir. — Genève; Paris, 2007. — P. 158. — Librairie DROZ.

⁴ Чаадаев П. Я. Избр. соч. и письма. — М., 1991. — С. 25.

⁵ Киришин Ю. Я. Цивилизационная составляющая национальной безопасности // Независимая газ. — 2008. — 1 фев.

⁶ Kiniklioglu S. The Anatomy of Turkish-Russian Relations // Insight Turkey [Ankara]. — 2006. — Apr.—June. — Vol. 8. — № 2. — P. 86.

понимание по отношению к доминирующему повсеместно в мусульманском мире авторитаризму. Как связвила по этому поводу газета «Коммерсантъ», «наша политическая подгруппа в мире — это Саудовская Аравия, Катар, Иордания, а не “восьмерка”»⁷.

В-третьих, «поиск особых отношений с арабским и мусульманским миром отвечает официально провозглашенному внешнеполитическому курсу России на укрепление многополярности»⁸. В этой связи можно отметить и то, что Москва осторожно вводит идею общих для России и мирового мусульманства угроз и вызовов со стороны Запада, прежде всего США. И этот тезис для некоторых мусульманских политиков оказывается чувствительным. Так, во время визита Владимира Путина в апреле 2008 г. в Ливию лидер этой страны Муаммар Каддафи заметил, что есть силы, которые нападают на Ирак и Афганистан, причем эти же силы «делают вид, что помогают мусульманам в Боснии, Герцеговине или Чечне, а на самом деле дестабилизируют обстановку»⁹.

В-четвертых, дополнительное значение исламскому фактору в российской внешней политике придает присутствие в стране почти 20-миллионного мусульманского меньшинства¹⁰, не учитывать настроения которого Кремль не может.

В-пятых, «исламский фактор» важен ввиду угрозы религиозного экстремизма. В России по сравнению с другими немусульманскими странами произошло наибольшее количество терактов, исполнители которых квалифицировали себя как *муджахеды*. Таким образом, борьба против *религиозного* экстремизма оказалась поводом для сотрудничества с Западом.

КАК МЕНЯЛСЯ ВЗГЛЯД НА МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

В первые годы после распада СССР отношения России с мусульманским миром претерпели кардинальные изменения. Хотя возглавивший Министерство иностранных дел Андрей Козырев и констатировал важность мусульманского, точнее, ближневосточного направления, но рассматривал его как инерционное и третьестепенное, доставшееся в наследство от советской внешней политики. На фоне сближения с Западом разговоры о развитии контактов с мусульманским Востоком были данью вежливости и звучали фальшиво.

Москва исключила из своей внешней доктрины поддержку национальных движений, отказалась от самостоятельных инициативных шагов в ближневосточной политике, полностью положившись на американских и европейских партнеров. Сделать это было несложно, ибо еще в 1977 г. с началом кэмпдэвидского процесса роль Советского Союза в урегулировании арабо-израильского конфликта обесценилась.

Попутно обнаружилось, что СССР не оставил России в мусульманском мире никакого серьезного экономического наследства — только долги. Советский Союз дотировал (или, как теперь говорят, спонсировал) дружественные ему страны, не получая взамен никаких экономических выгод.

И тем не менее индифферентность России к мусульманскому миру не означала исчезновение из внешней политики исламского фактора. После распада СССР, а вместе с этим и биполярной системы, ислам полноценно вписывался в мировую политическую конъюнктуру, а действующие под религиозными лозунгами силы превратились в субъект мировой политики.

Для России это было особенно важно. К тому же именно в связи с исламским фактором можно обнаружить преемственность (пусть печальную) ее внешней политики: у России сравнительно быстро появился свой «мусульманский фронт» — спустя несколько лет после завершения афганского джихада начался джихад чеченский. Подобно афганской войне чеченская негативно влияла на положение России в мировом сообществе.

Исподволь, но все ощутимее исламский фактор начинал проявляться в ее отношениях с ближним мусульманским зарубежьем. Обращение к исламу, стремление обозначить свою принадлежность к мусульманскому миру дистанцировало бывшие советские республики от метрополии. Разумеется, правящие элиты не стремились инкорпорироваться в мусульманское сообщество (они были бы в нем инородным элементом), но апелляция, пусть и непоследовательная, к исламу, активизация отношений с зарубежными единоверцами создавали дополнительные возможности для маневра во внешней политике. Наконец, многие тамошние политики рассчитывали

⁷ Строкань С. Цена вопроса // Коммерсантъ. — 2007. — 14 февр.

⁸ Levesque J. Russia and the Muslim World: The Chechnya Factor and Beyond // Russian Analytical Digest. — 2008. — 44/08. — 2 July. — P. 6.

⁹ Посеяли зерна и собрали урожай // Время новостей. — 2008. — 18 апр.

¹⁰ 20 млн — это, если можно так выразиться, официальное количество мусульман России, неоднократно упоминавшееся российскими президентами и Министерством иностранных дел. По другим данным оно колеблется в пределах 15—20 млн, хотя в некоторых мусульманских кругах полагают, что число приверженцев ислама в России значительно выше.

обменять пробудившееся публичное пристрастие к исламу на экономическую помощь единоверцев. Вдоль южной границы России формировался кипучий мусульманский анклав с уже несоединимой идентичностью, со спорадическими проявлениями религиозного радикализма.

Один из сценариев, предложенных в 1994 г. возглавлявшейся тогда Евгением Примаковым Службой внешней разведки, предполагал возрастание для России «исламской угрозы». Его авторы исходили из перспективы проникновения исламизма из Таджикистана, где в то время шла гражданская война, и Афганистана, где усиливалось движение талибов. В 1994 г. началась дестабилизировавшая Северный Кавказ война в Чечне, в 1996 г. талибы пришли к власти в Кабуле. Афганистан превратился в центр международного исламизма, где проходили обкатку экстремисты из Центральноазиатского и Кавказского регионов. Образовался «полумесяц нестабильности», один рог которого упирался в Кавказ, а другой — в китайский Синьцзян.

«Исламистский полумесяц» взошел на геополитическое небо, конечно же, раньше. Его принесли с собой Иранская революция, война в Афганистане, где имела место интернационализация джихада, символом которой спустя некоторое время стала бенладеновская «аль-Каида». У одних афганское сопротивление породило иллюзию, что исламским радикализмом можно безнаказанно манипулировать, у других — что воевать против него бессмысленно.

Одной из серьезнейших ошибок той поры было самоустранение России от участия во внутриафганских делах. В 2004–2005 гг. у нее была реальная возможность сохранить свое присутствие на афганской политической сцене, например, используя симпатии к России одной из ключевых фигур Афганистана — Ахмад Шаха Масуда, но по ряду объективных и субъективных причин это не было сделано¹¹.

11 сентября 2001 г., с моей точки зрения, не открыло ничего принципиально нового в отношениях между мусульманским миром и Западом включая Россию. «Оно не повлекло за собой существенного пересмотра политических установок или ориентаций у отдельных государств и политических блоков», — писал я в 2001 г. в брифинге с вызывающим названием «А мир остается прежним...»¹². Однако свершившаяся в тот день человеческая и политическая трагедия жесточайшим образом продемонстрировала крайнюю остроту, неразрешенность и протяженность этих отношений в ближайшей исторической перспективе.

В этих условиях России предстояло не просто определить свое отношение к исламскому актору в его экстремистской ипостаси, т. е. к исламистской угрозе, но и подумать о возможности более эффективного использования этого фактора во внешней политике.

Исламистская угроза России обнаружилась внутри нее самой. Барьер между внутренним и внешним исламом становился в значительной степени проницаемым, и связь между российскими мусульманами — будь то на Северном Кавказе или, в меньшей степени, в Поволжье, на Южном Урале — регулярна и разностороння. На территории России действовали разного рода благотворительные организации с идейно-политическим уклоном: «Спасение» (МИОС), «Джамаат Ихья ат-Турас аль-Ислямий» («Общество возрождения исламского наследия»), «аль-Харамейн» («Две святыни»), «аль-Хайрийя» («Благотворительность»), «Benevolens international foundation», «Катар», а также такие группировки, как «Хизб ат-тахрир», «аль-Каида», «Братья мусульмане».

Исламизм обосновался в ближнем зарубежье. Пафос многочисленных «антитеррористических» публикаций был направлен на формирование мнения, что исламистская угроза возникла исключительно вследствие деятельности внешних сил. Однако такой подход — это социальный заказ, в нем игнорируются внутренние причины роста происламистских настроений. Характерное для авторитарных режимов облечение социального протеста в религиозную форму при отсутствии реально действующих демократических институтов превращало исламизм в единственную оппозицию. По выражению бывшего премьера Казахстана Акежана Кажегельдина, «в Центральной Азии за оружие берутся люди, которым новоявленные ханы-султаны не оставили легальной ниши для оппозиционной политической деятельности»¹³.

Реальность угрозы со стороны религиозных экстремистов связана еще и с тем, что в их представлении Россия (ее культура, религиозная принадлежность, история) рассматривалась как часть Запада. Формулировка аятоллы Хомейни, называвшего Америку «большим Сатаной», а СССР — «малым Сатаной», сохраняет актуальность. Конечно, в зависимости от позиции той или иной исламистской группировки упор в определении может делаться либо на существительное, либо на прилагательное. Но при любом раскладе понятие «Сатана» не исчезает, даже

¹¹ См., например: *Ляховский А., Некрасов В.* Гражданин, политик, воин. — М., 2007.

¹² *Малашенко А.* А мир остается прежним... — М., 2001. — (Брифинг / Моск. Центр Карнеги; вып. 9—10, сент.—окт.).

¹³ *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. — Лондон; Москва, 2000. — С. 236.

если его по конъюнктурным соображениям не произносят вслух. Можно предположить, что для радикалов из Исламского движения сопротивления (ХАМАС) Россия является «малым Сатаной», а для кавказских радикалов — большим.

После 11 сентября 2001 г. Россия вступила в антитеррористическую коалицию и объединилась с Западом для борьбы с общим врагом — экстремизмом, дестабилизирующим ситуацию в мире. Исламизм вынуждает Россию, Америку и Европу к сотрудничеству, тем более что сам он интернационален и идеологически — во всяком случае, на лозунговом уровне — консолидирован. Ему можно противостоять, только объединив усилия (хотя уже тогда это партнерство омрачалось тучами, сгущавшимися вокруг саддамовского Ирака).

При этом участие в борьбе с терроризмом «было инструментальным решением во имя сотрудничества в сфере этой специфической проблемы в расчете на то, что действия бок о бок с Соединенными Штатами принесут России признание в том, что она является неизбежным столпом в постсентябрьском мировом порядке»¹⁴.

Угроза исламистского экстремизма была удобным и оправданным поводом для укрепления военно-политического присутствия России в Центральной Азии. Против экстремизма была призвана действовать Организация Договора о коллективной безопасности. Борьба с терроризмом вошла в повестку дня созданной в 1996 г. по инициативе Китая Шанхайской организации сотрудничества. Весной 1998 г. Россия обратилась к Узбекистану и Таджикистану с предложением создать союз для противодействия радикальному исламу (он так и не был создан). Страх быть вытесненной из Центральной Азии подталкивает Москву к легкому, с использованием исламистской угрозы, шантажу ее постсоветских партнеров. Противостояние терроризму стало обязательным пунктом соглашений России со странами региона. Однако международные организации на постсоветском пространстве не в состоянии предотвратить рост исламизма силовыми методами, уже в силу того, что, во-первых, его корни лежат во внутренних проблемах стран-участниц, а во-вторых, активность исламских радикалов носит партизанский характер, против которого подобные структуры бессильны. Не приспособлены к противодействию терроризму и немногочисленные российские военные базы (в 1994 г. их количество планировалось довести до 30, но Москве пришлось отказаться от столь ширококомасштабных проектов).

Россия не дерзнет напрямую вмешаться во внутривосточную ситуацию в каком-либо государстве, если там вдруг развернется массовое движение под исламскими лозунгами. При гипотетическом возникновении конфликта в главном очаге исламизма — Ферганской долине туда не вступит ни один русский солдат. После краха советского «эксперимента» в Афганистане и невообразимых трудностей Америки в Ираке и том же Афганистане вряд ли кто-то рискнет направить «ограниченный контингент» в Центральную Азию. В российском обществе еще одно оказание «братской помощи» не поймут (такой вариант сегодня видится фантастикой).

Владимир Путин подчеркнул: «...Мы (Россия — А. М.) не готовы, не хотим и не будем брать на себя ответственность за полное решение конфликтов. Мы не хотим, чтобы какая-либо из сторон перекладывала ответственность за разрешение кризисов на Россию»¹⁵. Президент не уточнил, о каких конкретно конфликтах идет речь, что позволяет сделать допущение, что имелись в виду и межгосударственные, и внутренние конфликты.

Время личных симпатий и антипатий московских и постсоветских политиков закончилось. Кремль предпочитает иметь дело с теми, кто ясно принимает правила его игры, готов учитывать российские интересы независимо от того, какое место в их мировоззрении, а также в официальной идеологии занимает религиозный элемент.

Россия принимает полутрадиционный характер постсоветских мусульманских режимов и не «зациклена» на их обязательной светскости. Москва с удовлетворением признает их «самобытность» и громогласно выразит скепсис по поводу применения к ним чуждой их идентичности западной модели. Произносимые в Ташкенте, Душанбе, Алма-Ате сентенции об «особенностях национальной демократии», «необходимости сохранения цивилизационной специфики» и т. п. радуют московских политиков, которые сами обыгрывают идею «русского пути развития», собственный вариант «суверенной демократии». Россия заинтересована в вечно транзитном характере этих режимов, что облегчает ей общение с местной властью и присутствие в регионе.

В 2000-е годы Москва предпринимала попытки восстановить свои пошатнувшиеся позиции в мусульманском мире. «Продвижение русских впечатляюще — усиление связей с Саудовской Аравией, получение статуса наблюдателя в ОИК (Организации «Исламская

¹⁴ Mankoff J. Russia and the West // The Washington Quart. — 2007. — Spring. — P. 132.

¹⁵ Рашидов Б. Россия в Центральной Азии: возможности и перспективы // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4182&print=1>.

конференция»¹⁶. — А. М.), оживление связей с Сирией и Египтом, контакты с ХАМАСом, контакты с вождями суннитских племен в Ираке и сомнительная связь с Ираном»¹⁷. Замечу, ее отношения с мусульманами не сводятся к Ближневосточному региону.

Начиная с 2004 г. президент Путин нанес несколько визитов в мусульманские страны и принимал в Москве их лидеров. Энергично действует российский МИД, пытаются активизироваться и российские компании, хотя их деятельность не слишком эффективна. Шаги России на мусульманском направлении неверно было бы воспринимать всего лишь как декларацию о намерениях, просто ностальгическое желание напомнить о себе как о «вездесущей» державе. В них угадывается стремление очертить еще один круг национальных интересов России.

МЕЖДУ ИСЛАМОМ И ЗАПАДОМ

Упор на поликонфессиональную специфику основан на том, что Россия христианско-исламская страна, и это предопределяет ее намерение одновременно пребывать сразу в двух (а то и в нескольких) цивилизациях. Поэтому «Москва демонстрирует готовность сыграть роль своего рода связующего звена между Западом и исламским миром»¹⁸.

В 2004 г. в Государственной думе было создано парламентское объединение «Россия и Исламский мир: стратегический диалог», целями которого, по словам депутата Шамиля Султанова, являются: «законодательное обеспечение развития отношений России с мусульманскими странами и международными исламскими организациями, прежде всего с ОИК... выдвигание инициатив, направленных на участие в интеграционных процессах исламского мира; ...создание условий для обеспечения конструктивного диалога между политическими и экономическими элитами России и исламского мира» и т. д.¹⁹

Посол по особым поручениям МИДа Вениамин Попов неоднократно отмечал, что «Россия может и должна выступать за необходимость христианско-мусульманского диалога». «Ислам, — писал Попов, — единственная религия, которая создала свою межгосударственную структуру — Организацию «Исламская конференция»»²⁰. Во имя установления особых отношений со странами ислама Россия долгие годы боролась за вступление в ОИК (на правах наблюдателя — страны с мусульманским меньшинством).

Спорадические контакты с ОИК имели место еще в советские времена. ОИК, в частности, оказывала содействие в деле вызволения военнопленных из Афганистана. После распада СССР в 1994 и 1997 гг. Россию посещали генеральные секретари организации.

В середине 1990-х годов идею приобщения России к ОИК неоднократно озвучивал известный политик, в разное время занимавший посты министра иностранных дел и главы правительства Евгений Примаков, убеждавший зарубежных мусульманских политиков, среди которых он пользовался большим уважением, в обоюдной выгоде такого шага. Вопрос о вступлении в ОИК неоднократно ставился российскими мусульманами. Первым об этом заговорил глава влиятельного в конце 1990-х годов Исламского культурного центра Вахид Ниязов. В 1997 г. эту идею озвучил председатель Союза мусульман России Надиршах Хачилаев. Он мотивировал необходимость вступления России в ОИК тем, что российские мусульмане обретут через нее больше прав и повысят свой статус. Он вел переговоры в структурах ОИК, участвовал в ее мероприятиях, где выступал, правда, не как представитель России, а от имени руководимой им организации.

Существовало мнение, что единственной конкретной, прагматической причиной желания Москвы попасть в ОИК был расчет на ослабление в мусульманском мире негативной реакции на чеченскую войну. Могло ли это сыграть благоприятную роль, сказать трудно. Да и к моменту вступления России в ОИК широкомасштабные военные действия в Чечне завершились. К тому же нельзя не заметить, что восприятие сепаратизма Чеченской республики Ичкерия мусульманским сообществом оставалось по большей части негативным. Критика была нацелена главным образом на методы ведения российской армией военных действий. Несмотря на поддержку сепаратистов многими национальными и международными радикальными исламскими организациями, самопровозглашенная Чеченская республика Ичкерия не была признана никем,

¹⁶ Организация «Исламская конференция» образована в 1969 г., в нее входит 57 стран, в том числе 2 европейских, 2 латиноамериканских, а также 6 государств СНГ.

¹⁷ *Bhadrakumar M. K.* Searching for attackers lurking in the night // *Asia Times* [Bangkok]. — 2006. — Apr. 8 (http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/HD08Ak03.html).

¹⁸ *Попов В.* Россия намерена присоединиться к Исламской конференции // *Отеч. записки*. — 2003. — № 5. — С. 219.

¹⁹ Россия и ислам: Интервью с депутатом Государственной думы России Ш. Султановым // *Лит. газ.* — 2004. — 13—19 окт.

²⁰ Исламский мир и внешняя политика России // *Междунар. жизнь*. — 2005. — № 5. — С. 77—79.

кроме Боснии, Турецкой республики Кипр и афганских талибов. Столпы мирового мусульманства — Саудовская Аравия, Египет, а также страны с влиятельной чеченской диаспорой (Турция, Иордания) признавали целостность России. В первую чеченскую кампанию Турция, с точки зрения Москвы, занимала «объективную и позитивную позицию»²¹. И лишь с приходом к власти в этой стране исламистского правительства ее позиция ужесточилась. Не выступал с критикой России Иран. Более того, когда в 1996 г. в Иране появились эмиссары одного из вождей сепаратистов арабского полевого командира амира Хаттаба с просьбой предоставить им противотанковые комплексы САМ-7, им было в этом отказано²².

В 1994 г. конференция глав государств ОИК отвергла предложенную Азербайджаном (его президентом был тогда антироссийски настроенный Абульфаз Эльчибей) и Саудовской Аравией резолюцию о поддержке Чечни. Тогда же было отклонена просьба президента Джохара Дудаева о принятии Ичкерии в ОИК. Косвенным признаком того, что мусульманские руководители избегали обострения отношений с Россией в связи с чеченским вопросом, была та легкость, с которой десять лет спустя, в 2004 г., власти Катара выдали Москве сотрудников российских спецслужб, ликвидировавших в этой стране одного из самых влиятельных сепаратистских лидеров, знаковую фигуру сопротивления Зелимхана Яндарбиева. О лояльности ОИК к России свидетельствует и то, что ее представители вместе с делегацией Лиги арабских государств присутствовали в 2003 г. на президентских выборах в Чечне, на которых победу одержал ставленник Кремля Ахмад-хаджи Кадыров.

Вожди сепаратистов Джохар Дудаев и Аслан Масхадов имели все основания жаловаться на неполноценность исламской солидарности. Чеченско-московский фронт, несмотря на участие в войне двух-трех сотен зарубежных муджахедов, по большому счету так и не стал интернациональным²³.

Словом, не «чеченский вопрос» явился основной причиной, по которой Россия стремилась в ОИК. Главным в ее отношениях с этой организацией оставался поиск особого места в мире, стремление компенсировать ухудшавшиеся отношения с Западом на иных направлениях. На самом высоком уровне этот вопрос поднимался в 1999 г. во время визита в Москву делегации ОИК, во главе которой был министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази. В апреле 2003 г. президент Путин в разговоре муфтием Таджикистана Амонуллой Нематзаде заметил, что «Россия является в известной степени частью мусульманского мира»²⁴.

В Москву зачастили миссии ОИК. В январе 2003 г. по приглашению министра иностранных дел в Россию прибыл ее тогдашний генеральный секретарь марокканец Абд-аль-Вахид Бельказиз. В МИДе была учреждена специальная должность посла по особым связям с ОИК. В саммите ОИК в Куала-Лумпуре в 2003 г. участвовала внушительная российская делегация во главе с Владимиром Путиным. В ее состав была включена большая группа российских политиков-мусульман — министр имущественных отношений Фарит Газизулин, заместитель главы президентской администрации Джахан Поллыева, президенты Башкирии и Кабардино-Балкарии, председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев. Был среди них и президент Чечни Ахмад Кадыров. Речь Путина на саммите изобиловала рассуждениями о межцивилизационном диалоге, о недопустимости исламофобии.

В 2004 г. после окончания заседания XXXI сессии министров иностранных дел стран — членов ОИК в Стамбуле присутствовавший там Сергей Лавров сказал, что «Россия и ОИК могут очень много сделать, чтобы не допустить раскола по цивилизационному и религиозному признакам»²⁵.

Не все мусульманские правительства приветствовали желание России стать членом ОИК. Негативную позицию занимал Пакистан, считавший, что ей не следует вступать в главную исламскую организацию, ибо она — страна христианская по культуре и в плане политической ориентации, а ее недавняя история отягощена войнами с мусульманами. Наконец, членство России в ОИК может изменить всю конфигурацию этой организации. Впрочем, у сомнений Пакистана была конкретная, возможно, главная подоплека — в Исламабаде боялись, что принятие в ОИК России откроет в нее путь для врага Пакистана — Индии²⁶.

²¹ Гудиашивили Д. Турция и российско-чеченская война 1994—1996 годов // Центр. Азия и Кавказ [Лулеа, Швеция]. — 2002. — № 5 (23). — С. 87.

²² Kalika A. La Russie en guerre: Mythes et réalités tchéchènes. — Paris, 2005. — P. 128.

²³ Правда, по одной из версий в 1996 г. на встрече представителей исламских организаций в столице Сомали Могадишо велась речь о посылке в Чечню 700 добровольцев-мусульман из разных стран. Однако эти муджахеды в Чечне обнаружены не были.

²⁴ Россия — часть мусульманского мира // Все об исламе. — 2003. — № 8. — Май. — С. 2.

²⁵ Рисэлэт. Послание [Уфа]. — 2004. — № 7 (74). — Июль. — С. 1.

²⁶ В январе 2006 г. было предложено вступить в ОИК и Индии, однако этого не произошло из-за ее противоречий с Пакистаном.

Пакистанские скептики действовали вяло, в то время как интересы России лоббировали такие страны, как Малайзия, Иран, Сирия, в какой-то мере Саудовская Аравия, и в результате в июне 2005 г. она получила статус наблюдателя при ОИК²⁷.

Несколько месяцев спустя в Москве была создана группа «Стратегическое видение: Россия — исламский мир», в которую вошли несколько российских политиков, в том числе Евгений Примаков, президент Татарстана Минтимер Шаймиев, президент Чечни Алу Алханов, политики (как действующие, так и отставные) из Египта, Иордании, Кувейта, Марокко, Пакистана, а также представители стран Центральной Азии. На состоявшемся в марте 2006 г. первом заседании этой группы было зачитано письмо генерального секретаря ОИК Экмеледина Ихсаноглу, отметившего «близость позиций России и стран — членов ОИК по многим вопросам международных отношений», в частности, в деле «противодействия попыткам втягивания мирового сообщества в противостояния между различными цивилизациями и культурами»²⁸.

Второе заседание группы состоялось в том же 2006 г. в Казани. В приветствии к нему президента Татарстана Шаймиева говорилось, что «мир раскололся на христиан, иудеев и мусульман, появилась брешь, которая может стать пропастью». Попутно Шаймиев отметил, что «Татарстан волею судеб оказался северным форпостом исламского мира и остается таковым»²⁹.

В Москве сочли уместным ради развития российско-исламских контактов разыгрывать «татарстанскую карту». Татарстан, экономическое положение которого отличается в лучшую сторону по сравнению с остальными мусульманскими субъектами Федерации, стал своего рода витриной российского мусульманства. В июне 2008 г. в Казани состоялась Международная инвестиционная конференция, организованная Исламским банком развития. На нее собрались 115 зарубежных инвесторов из 23 стран, в том числе из Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна, Омана, Малайзии, Египта, Турции, Иордании, Узбекистана, Казахстана, Киргизии³⁰. Это была первая конференция на территории страны, которая не является полноценным членом ОИК.

В том же году в Казани под эгидой ОИК прошел Молодежный форум «За диалог и сотрудничество», состоялось заседание Исламской академии наук. Татарстан пытается укрепить связи с Исламским банком развития, в Казани прошло заседание Российско-арабского делового совета.

Роль Татарстана в развитии российско-мусульманских отношениях Минтимер Шаймиев пытался рассматривать в контексте концепции евразийства. Он, например, называл Татарстан «готовой реальной моделью евразийского общества» и даже «реальной евразийской республикой»³¹. К такому подходу подверстал свою позицию идеолог «неоевразийства» Александр Дугин, который изобрел якобы распространенный на территории России «евразийский ислам»³² (в свое время этот же автор предложил другое весьма странное понятие — «атлантический ислам»). Однако подобные суждения являются искусственными и, по выражению татарского исследователя Наиля Мухарямова, «двусмысленными»³³. С иронией относится к «евразийскому исламу» большинство исламских идеологов.

«Мягкость» мусульман в отношениях с Россией можно объяснить поиском дополнительных союзников в условиях напряженных отношений с Западом. «Перед лицом надвигающейся демократизации Большого Ближнего Востока, которой упорно добиваются Соединенные Штаты, арабские элиты, опасющиеся дестабилизации, ищут иную точку опоры»³⁴. Такую «точку опоры», пусть и не абсолютно надежную, Россия предоставляет во многих конфликтных ситуациях — от проблем иранской ядерной программы до конфликта на Ближнем Востоке. Мусульмане далеки от преувеличения значимости России, но отказываться от дополнительной поддержки не собираются.

²⁷ Большая политика. — 2006. — № 3 (5). — С. 20.

²⁸ Сообщение для печати. О первом заседании Группы «Стратегическое видение: Россия — исламский мир». 29-03-2006 / М-во иностр. дел Рос. Федерации // <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/dde54dd22f01755c43256a65004daaee/432569d80021>.

²⁹ Материалы второго заседания Группы стратегического видения... Казань, 29—31 августа 2006 года // <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/dde54dd22f01755c43256a65004daaee/a2F366de85188>.

³⁰ ISI Emerging Markets // Rosbalt News. — 2008. — 11.06 (<http://www.securities.com>).

³¹ Время и деньги [Казань]. — 2000. — 29 авг.

³² См.: Дугин А. Проект «Евразия». — М., 2004.

³³ Мухарямов Н. Республика Татарстан: вызовы модернизации // Российская модернизация: размышляя о самобытности. — М., 2008. — С. 393.

³⁴ Шерматова С. Подружиться с исламским миром России легче, чем со своими мусульманами // Большая политика. — 2006. — № 5. — Май. — С. 46.

Вступление России в Организацию «Исламская конференция» не повлекло за собой принципиальных сдвигов в российско-мусульманских отношениях. Да Москва и не ожидала от членства в ОИК конкретных результатов, например, экономических. Оно как бы легитимировало пресловутое «особое место» России и служило напоминанием, что, будучи страной христианской, она все же не отождествляется с устоявшимися в мусульманском мире стереотипами Запада. Трудно представить себе, например, присутствие в ОИК Франции, где процентное соотношение мусульман и христиан сопоставимо с российским (во Франции мусульмане составляют примерно 10% населения, в России — 12–13%).

Российские политики любят напоминать, что в отличие от Запада Россия относится к исламскому миру с большим пониманием, прощая ему излишнюю нервозность. Всякий раз, когда в Европе или в США возникают связанные с исламом затруднения, из Москвы раздаются призывы к умеренности и осторожности. Так, во время разразившегося в 2006 г. «карикатурного скандала» (датская газета «Юлландс постен» опубликовала карикатуры на пророка Мухаммада, перепечатанные некоторыми европейскими СМИ, что вызвало бурные протесты в мусульманском мире) Владимир Путин не просто выразил понимание позиции мусульман, но даже сравнил карикатуры на Пророка с детской порнографией, добавив, что «если государство не в состоянии чему-то помешать, оно хотя бы должно извиниться, что не может это сделать»³⁵.

В связи с выступлением в сентябре 2006 г. в Регенсбурге папы Бенедикта XVI, которое в мусульманском мире было сочтено антиисламским (понтифик процитировал письмо византийского императора Мануила II Палеолога, в котором говорилось, что пророк Мухаммад «принес злые и бесчеловечные вещи» и «приказы мечом вести веру»), российский президент призвал всех «к ответственности и сдержанности», в который раз напомнив, что «Россия делает все, чтобы наладить диалог между цивилизациями». В ходе инцидента поведение Москвы отличалось от позиции других европейских столиц, где многие политики выразили свое недоумение по поводу нетерпимости со стороны мусульман. Канцлер ФРГ Ангела Меркель сочла дополнительные извинения папы перед мусульманами излишними.

Вместе с тем отслеживающие ситуацию в российском исламе чиновники недвусмысленно дали понять мусульманским духовным авторитетам, что они не в восторге от буйного поведения ближневосточной, европейской, пакистанской «мусульманской улицы». В результате критика «оскорбителей» ислама со стороны большинства российских имамов и муфтиев оказалась сдержанной и тактичной.

Развитие мусульманского направления оркеструется заявлениями антиамерикански настроенных политиков о том, что сближению России с исламом препятствует Запад (будь то Вашингтон или папа Римский), который хочет столкнуть ее с миром ислама и «мешает развитию отношений с исламскими государствами»³⁶.

Однако курс России в отношении мусульманского мира не ограничивается декларациями о близости и даже совпадении взаимных интересов. Претензия на особые отношения с мусульманами все более выглядит как попытка восстановить статус России как одного из ключевых игроков, усилив ее значимость в системе международной безопасности. Южное (мусульманское) направление становится одним из приоритетных.

В приветственном послании Владимира Путина XI саммиту Организации «Исламская конференция» (март 2008 г.) было сказано, что «для России углубление отношений дружбы и сотрудничества с исламским миром является стратегическим курсом»³⁷. Помимо дани вежливости в этом утверждении содержится немало искренности, поскольку трудности отношений на западном направлении так или иначе требуют компенсации на мусульманском юге. Учитывая взаимное охлаждение Запада и мусульманского мира, именуемое «междивилизационным конфликтом», Россия полагает, что у нее есть шанс выглядеть в глазах мусульман «незападом». В этом, кстати, можно усмотреть и элементы постсоветской ностальгии.

Отношения между Россией и мусульманскими странами лишены идеологизированности, присущей им в советскую эпоху. Российская политика, несмотря на остаточный «великодержавный» дискурс, тяготеет к прагматизму, ей свойственна чуткость в отношении потенциальных партнеров независимо от их идеологии и риторики. «Новая российская позиция и обновленное ощущение собственной мощи формирует ее продвижение на Ближнем Востоке, особенно в Персидском заливе, что является составной

³⁵ Общественная шиитская организация «Ахл-ал-Бэйт» (Москва) (<http://www.islam.ru/press/world/2006-02-7>).

³⁶ Галиуллин М. Сотрудничество во имя будущего // Мусульм. газ. — 2000. — № 4. — Апр.—май. — С. 6.

³⁷ Стенограмма выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова на XI саммите Организации «Исламская конференция», Дакар, 13 марта 2008 г.

частью ее стремления играть более важную роль в системе международных отношений», — считает американский аналитик Дэрио Кристиани³⁸.

Избавляются ли мусульманские элиты от предубежденности перед наследниками СССР? «Ныне, когда коммунизм более или менее мертв, саудовцы более восприимчивы к заботам русских», — полагает Маршалл Голдман из Колледжа Уэллсли³⁹. Безусловно, в той или иной степени подобные настроения возникают и среди остальных мусульманских режимов. Однако, как показывает опыт, путь к серьезному доверию лежит через многие тернии.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО С ИСЛАМИСТАМИ: НАДЕЖДЫ НЕ ОПРАВДЫВАЮТСЯ

С середины 2000-х годов Москва позиционировала себя в качестве посредника между исламскими радикалами и Америкой и Европой. Это заметно на примере Ирана, президент которого провозгласил себя продолжателем исламской революции, а свою страну — главным бастионом в столкновении мусульманского и иудеохристианского мира. Россия по большей части «не слышала» экстремистского акцента в словах и поведении Ахмадинежада, пытаясь относиться к нему исключительно как к национальному лидеру, а не как к религиозному харизматику. Иногда иранцы переступают границу. Например, в 2006 г. Тегеран провел конференцию «по непризнанию Холокоста», за что подвергся осуждению российским МИДом.

В не прекращающейся интриге вокруг иранской ядерной программы Россия сохраняет уверенность, что ей удастся уговорить Иран пойти на уступки (обогащение урана на территории России, установление строго контроля над материалами двойного назначения, отказ Тегерана от полного ядерного цикла⁴⁰). Возможно, Москва надеялась на ключевую роль в этом споре, в котором она выступала «покровителем» Ирана, не забывая при этом о своих интересах. Несколько раз казалось, что эти цели могут быть достигнуты. В 2006 г. состоялся ряд российско-иранских встреч, в преддверии которых Кремль уверял, что Тегеран вот-вот пойдет на компромисс. Но надежды эти оказались беспочвенными.

В 2006–2008 гг. Россия пыталась выступать посредником с победившим на выборах в Палестине Исламским движением сопротивления.

Триумф исламистского ХАМАСа стал знаковым событием. Он изменил соотношение сил внутри палестинского общества, крайне осложнил израильско-палестинские контакты, перечеркнул выработанный квартетом посредников, но инициированный США план урегулирования — «Дорожную карту». В Москве такую обстановку сочли благоприятной для того, чтобы перехватить инициативу и вернуться на Ближний Восток в качестве самостоятельного игрока, имеющего собственные нетривиальные наработки. Позиция России казалась одновременно продуктивной и рискованной из-за несговорчивости ХАМАСа. Российская дипломатия рассчитывала получить признание в мусульманском мире, в том числе в авторитетной Саудовской Аравии. «Саудовская Аравия, которая является духовным лидером суннитского мира, крайне важна для Москвы с точки зрения соблюдения баланса в ее (Москвы) отношениях с шиитскими силами, “Хизбаллой”, а также ХАМАСом»⁴¹. По замечанию американского журналиста Стивена Ли Майерса, «прежде всего это была борьба за престиж»⁴².

Впервые пригласив в марте 2006 г. в Москву делегацию ХАМАСа во главе с лидером этой организации Халедом Машаалем, Кремль рассчитывал сыграть на его желании обрести в глазах мирового сообщества респектабельность. Отмечу, что в Израиле Машаала считали вдохновителем и организатором терактов. Однако, с другой стороны, именно он, став в 1995 г. главой Политического бюро ХАМАСа, начал проявлять политическую гибкость, а его отношение к Израилю, по выражению Алека Эпштейна, было «витиеватым»⁴³. В Москве рассчитывали договориться с Машаалем, тем самым совершив прорыв в ближневосточном урегулировании.

Осенью того же года Россия сделала еще один красивый жест: ни ХАМАС, ни «Хизбалла» не были включены в ее состоящий из 17 пунктов список террористических организаций,

³⁸ The Power and Interest News Report (PINR) 01 March, 2007 // http://www.pinr.com/report.php?ac=view&report_id=624&language_id=1.

³⁹ Whitmore B. Putin to take message to the Persian Gulf: The great oil price fall of 1985-86 was one of those Cold War twists that still burns brightly in the memory of Kremlin leaders // Spero. — 2007. — Febr. 12 (<http://www.speroforum.com/site/print.asp?idarticle=7858>).

⁴⁰ Iran, its Neighbors and the Regional Crises: A Middle East Program Report / Chattam House. The Royal Inst. of Intern. Affairs. — [S. l.], 2006. — P. 40.

⁴¹ Yasmann V. Putin Uses Persian Gulf Trip to Boost Russian Role in Arab World // ANDERSWELT. — 2007. — Febr. 13. — (RFE/RL).

⁴² Lee Myers S. The New role for Russia in Mideast? It seeks it? // The New York Times. — 2006. — Sept. 10.

⁴³ Эпштейн А. Д. ХАМАС в региональной политике / Ин-т Ближнего Востока. — М., 2007. — С. 113.

подготовленной Федеральной службой безопасности. Помимо всего прочего это было вызовом Соединенным Штатам, в чьем списке террористов обе организации значились.

Однако затем в ходе общения с исламистами российская дипломатия обнаружила свою несостоятельность. Ни президентская администрация, ни МИД не позаботились выработать четкую линию поведения. Это сразу проявилось во время, казалось бы, исторического визита Машаала в 2006 г. в Москву. Программа визита выглядела двусмысленной и изначально не предполагала встречи с первыми лицами. Были неофициальные контакты с депутатами, с дипломатами. Полуконфиденциальная беседа с председателем Комитета Совета Федерации по международным делам (бывшим арабистом) Михаилом Маргеловым никак не могла рассматриваться в качестве официальной. Встречи были «необязательными» как для хозяев, так и для гостей. Нелепо выглядела общая пятничная молитва в Московской соборной мечети. Ее проводил председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, который неоднократно осуждал религиозный радикализм.

Первый визит ХАМАСа носил символический характер и оставил чувство недоумения. Однако контакты между Москвой и ХАМАСом на этом не прервались. Спустя год в марте 2007 г. Россию проездом посетил министр иностранных дел в хамасском правительстве Махмуд Захар, который встретился с чиновниками из российского МИДа. Эта встреча также завершилась безрезультатно. Переговоры не оправдывали надежд на изменение позиций исламистов относительно признания Израиля. России не удалось сделать исламистов более уступчивыми и, таким образом, выставить себя самостоятельным, успешным «солистом» в ближневосточном «концерте». Москва убедилась в том, что они продолжают вести свою игру и для них сближение с ней не более чем дополнительный козырь в общении с Западом, прецедент (хотя и зыбкий) для диалога с Европой, а возможно, и с Америкой. После ни к чему не обязывающего посещения Москвы ХАМАС продемонстрировал, что дипломатически он вышел за пределы мусульманского мира. Здесь напрашивается аналогия с посещениями Москвы иранских переговорщиков (также как и с визитами в Тегеран российских дипломатов): для России результат всякий раз оказывался неудовлетворительным.

Разочарование еще более усилилось после захвата и казни летом 2006 г. сотрудников российского посольства в Багдаде. Похитившая россиян ранее неведомая организация «Шура муджахедов Ирака» не была напрямую связана с ХАМАСом и с шиитской «Хизбаллой». Акция экстремистов выглядела символически: исламские радикалы признают Россию союзником Запада. Но все же показательно, что ни одна исламистская организация не сочла возможным содействовать Москве в освобождении заложников, хотя в Кремле и МИДе на это надеялись.

Летом 2006 г. у России могла появиться еще одна возможность вступить в диалог с исламистами, на этот раз — с ливанской «Хизбаллой», которой в ходе кратковременной войны с Израилем удалось добиться чего-то вроде моральной победы, получить небывалую популярность в Ливане и стать авторитетной силой в глазах Европы. «Хизбалла» приглашена в Москву не была. Хотя, будь Кремль последовательнее, он вполне мог пригласить ее.

То, что представители «Хизбаллы» не появились в Москве, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, Путин не хотел идти на лишнее обострение с США. Вряд ли такой шаг встретил бы понимание и в Европе, где хотя и симпатизировали ливанскому правительству, но все же не были готовы к тому, чтобы поддержать диалог с «хизбаллахи». Во-вторых, прямые контакты с радикалами могли окончательно разрушить и без того ухудшившиеся отношения с Израилем. В-третьих (и это, пожалуй, самое главное), в Кремле понимали, что беседы с «Хизбаллой» скорее всего окажутся безрезультатными. Для их успеха требовалась поддержка Ирана, способного сделать руководителя «Хизбаллы» Насруллу более сговорчивым. Но Тегерану российское посредничество в ливано-израильском столкновении было не нужно. Наконец, руководство «Хизбаллы» не рассматривало Россию в качестве эффективного посредника и предпочитало общаться с Москвой через своих сирийских покровителей. Последние, в свою очередь, также не горели желанием подвигнуть «Хизбаллу» на контакты с Москвой. Кроме того, общение с «Хизбаллой» могло выглядеть и как своего рода начало сотрудничества в ближневосточном конфликте с Ираном, что было бы крайне болезненно воспринято в США и в Израиле.

Есть и еще одно обстоятельство, снижавшее ценность российско-исламистского диалога. Исламисты, будь то хамасовцы, их единомышленники или последователи Ахмадинежада, вызывают раздражение и страх у правящих мусульманских элит. Противостояние радикальных исламистов и властей является едва ли не главной осью политического процесса в мусульманском мире. В то же время президенты и короли считают отношения с исламистами внутренним, «домашним» делом и отнюдь не в восторге от того, что кто-то пытается вести самостоятельный диалог с религиозными радикалами.

Принимая хамасовцев, Москва с самыми благими намерениями пыталась помимо всего прочего сыграть роль посредника между исламистами и главой палестинской администрации, светским политиком Махмудом Аббасом. Зыбкость этих расчетов обнаружилась в мае-июне 2007 г., когда исламисты раскололи палестинцев на два обособленных лагеря, попытавшись создать в секторе Газа свое «государство». Россия оказалась перед выбором — поддерживать светское, умеренное палестинское движение, руководимое главой Палестинской администрации Аббасом, или рискнуть и еще раз выступить посредником уже в межпалестинской междоусобице.

Здесь ее поджидала заведомая неудача: решающее слово в «палестино-палестинском» диалоге сказала Саудовская Аравия, благодаря усилиям которой пусть на короткое время, но все же было создано что-то вроде правительства национального единства (это произошло именно в то время, когда Кремль активно контактировал с хамасовцами). Кроме Саудовской Аравии посредническую роль эффективно играют Египет и Иордания. Их действия способствуют поддержанию диалога, хоть и неустойчивого, между ХАМАСом и Махмудом Аббасом, а также между ХАМАСом и правительством Израиля. В июне 2008 г. под давлением посредников между Израилем и хамасовцами было заключено соглашение о прекращении огня.

Режимы мусульманских стран волей-неволей остаются политическими партнерами США и Европы, хотя и постоянно критикуют их. И те, и другие оказываются по одну сторону баррикады в борьбе против исламской оппозиции. Попытки же России общаться с исламистами вызывают скепсис, особенно если учесть, как относится российская власть к собственным внутренним радикалам.

Ни в Америке, ни в Европе не высказывали серьезных опасений относительно взаимодействия России и радикальных исламистов. Как писал журнал «Тайм», американцы отнеслись к контактам Москвы с ХАМАСом спокойно, ибо «он получил правильное послание о признании Израиля, об отказе от терроризма и поддержке всех взятых палестинской администрацией обязательств»⁴⁴. Что касается Ирана, то в Вашингтоне не раз выражали надежду на эффективность российских инициатив по сдерживанию Ирана и установлению контроля над иранской ядерной программой. В США высказывается, однако, и противоположное мнение: общение России с Ираном, ХАМАСом, а заодно с другими враждебными Америке силами типа Венесуэлы и Северной Кореи превращает ее в одно из звеньев «новой оси зла», представляющей непосредственную угрозу Соединенным Штатам.

Москва признает политическую легитимность исламистов, если в той или иной стране они получают поддержку большинства. Исключив из списка террористических организаций ХАМАС и «Хизбаллу», российское руководство засвидетельствовало избирательность своего подхода к различным фракциям исламистского движения. Однако вряд ли когда-нибудь исламские радикалы станут стратегическими союзниками России (исламский радикализм не тождествен национально-освободительному движению советских времен, также как и официальная идеология России — не копия официальной идеологии СССР). Если российское посредничество продлится, рано или поздно оно окажется ненужным. Оно прекратится в случае успеха, потому что тогда к переговорам с радикальными исламистами подключатся другие страны и они станут общим делом. При неудаче оно отомрет за ненадобностью и даже станет вредным, ибо с его помощью будет поощряться уже не умеренность исламистов, а их жесткость и авантюризм.

Россия и Центральная Азия

Отношения между Россией и Центральной Азией в контексте ислама почти никем не анализировались. И это выглядит вполне оправданным. В первое десятилетие после распада Советского Союза государства региона оставались частью постсоветского пространства. В одном из предыдущих разделов уже упоминалась Центральная Азия, но не в связи с внешней политикой, а скорее как фактор, действующий вдоль российской границы.

По мере размывания «постсоветскости», формирования во внешней политике центральноазиатских государств курса на многовекторность перед Россией постепенно встает вопрос: следует ли считать эти страны *реально* мусульманскими и, исходя из этого, скорректировать свою политику? Речь идет об отдельных странах, а не о регионе в целом. Иными словами, в отношениях с Казахстаном от исламского компонента можно абстрагироваться, тогда как в отношениях с Таджикистаном это было бы легкомысленно.

С какой *мусульманской* Центральной Азией России придется иметь дело — сотрудничать, а может быть, и враждовать? Вследствие несостоятельности и даже провала многих реформ продолжается архаизация, реисламизация региона, во всяком случае, большей его части.

⁴⁴ McAllister J. F. O. Russia's New World Order // Time. — 2006. — July 10. — P. 22.

Недовольное своим ухудшающимся положением люмпенизирующееся общество все больше апеллирует к исламу и вынуждает делать то же элиту, ибо правящий слой должен «перехватить ислам» как политическое орудие хотя бы ради собственного выживания. Европеизированная же часть элиты будет выдавать ислам за некий инструмент, пригодный для модернизации, однако в массовом сознании в конечном счете перевесит консервативная тенденция. Будет расти самоидентификация стран Центральноазиатского региона, их солидарность с мусульманской ойкуменой.

Россия будет вынуждена общаться с более традиционными странами, а возможно, и правителями. Причем в отличие от Европы она не отделена от них тысячекилометровыми расстояниями. Парадокс состоит в том, что традиционалисты или квазитрадиционалисты будут все охотнее иметь дело с европейцами и американцами, которые, во-первых, способны предложить им выгодные условия сотрудничества, во-вторых, «прощают» отсутствие гражданского общества, нарушения прав человека. В-третьих, Россия продолжает опасаться как бывшей метрополии, как страны, склонной к диктату в политике.

Еще один вопрос: готова ли Россия к диалогу с исламистами, если они волей судьбы окажутся в составе правящих коалиций в Центральной Азии? Ответ — да. Во-первых, Россия не трепещет перед исламизацией Центральной Азии (хотя вслух об этом не говорится), тем более что ее опыт общения с таджикскими исламистами достаточно успешен. Москва содействовала мирным переговорам и подписанию в 1997 г. мирного соглашения между светскими силами и Объединенной таджикской оппозицией, основу которой составляла местная Исламская партия возрождения.

Отношения России со странами Центральной Азии и Азербайджаном требуют отдельного рассмотрения. Здесь я только напомним, что рано или поздно Москве при формировании внешней политики придется тщательнее учитывать их мусульманскую составляющую.

Что в энергетике?

По мнению директора Института США и Канады Сергея Рогова, «политический аспект наших отношений с мусульманским миром куда более важен, чем экономический аспект»⁴⁵. С этим трудно не согласиться. И все же недальновидно полностью игнорировать и выносить за скобки экономические интересы, которые все равно неразрывно связаны с политикой.

Даже поборники более активного сближения с мусульманским миром признают невозможность эффективного сотрудничества с ним в нефтяной и газовой области. Близкая российско-мусульманская (российско-арабская, российско-иранская) позиция по данному вопросу почти невероятна. Тем не менее надежды время от времени возникают, что сопровождается произнесением пропагандистских заклинаний по поводу открывающейся перед потенциальными партнерами «бездны возможностей».

Можно ли говорить, что экспорт Россией энергоносителей когда-либо оказывал непосредственное влияние на отношения с мусульманским миром? Формально — нет. Однако это «нет» уже не будет звучать категорично, если учитывать некоторые нюансы и подводные камни неотделимого от политики нефтяного бизнеса. Например, еще Советский Союз придерживался нейтралитета в ходе «нефтяной войны» 1973–1974 гг. И хотя в то время на геополитической карте понятие «мусульманский мир» не значилось, именно мусульманские режимы бросили вызов западным потребителям, пытаясь сделать зависимой их экономику (эта тактика оказалась порочной и нанесла ущерб самим производителям нефти). Не участвуя в той «войне», т. е. продолжая поставки нефти, СССР солидаризировался с западными странами *на деле*, на словах продолжая поддерживать «справедливую борьбу развивающихся стран» (правда, чистой риторикой дело не ограничивалось, и мусульманские страны исправно получали советские военные поставки).

Россия является одновременно и экспортером углеводородов, и их потребителем. Замечу, однако, что в то же время годовой эквивалент экспорта нефти на душу населения у России составляет всего 3 т против 60 т в Катаре, свыше 40 т в ОАЭ и около 20 т в Кувейте⁴⁶. Наконец, у нее свои, отличные от мусульманских нефтяных держав отношения с Западом.

Пределы партнерства и конкуренции неочевидны и изменчивы. Отмечу два направления: взаимодействие с Организацией стран — экспортеров нефти (ОПЕК), основу которой составляют мусульманские страны, и сотрудничество с отдельными государствами.

ОПЕК приветствует сотрудничество со странами, в нее не входящими, строя его на взаимных уступках в деле поддержания цен. Конечно, «Россия превратилась из второстепенного

⁴⁵ Исламский мир и внешняя политика России // Междунар. жизнь. — 2005. — № 9. — С. 80.

⁴⁶ Милов В. Может ли Россия стать нефтяным раем? // Pro et Contra. — 2006. — № 2—3 (32). — С. 10—11.

игрока в одного из основных действующих лиц на мировом рынке нефти, став главным конкурентом ОПЕК и Саудовской Аравии», и все же «ОПЕК ориентирована на конструктивный диалог с Россией»⁴⁷. В начале 2000-х годов Россия присутствовала на встречах членов ОПЕК в качестве наблюдателя, а после 11 сентября 2001 г. согласилась сократить поставки нефти на рынок. Аналитик департамента энергетических исследований ОПЕК Фатен аль-Авади считает, что «в последнее время мы наблюдаем множество признаков сотрудничества между двумя сторонами»⁴⁸.

В мусульманском мире бытует точка зрения, что российские нефтяные олигархи ориентировались на Запад, опираясь на своих союзников в США. Такая политика с точки зрения российских лоббистов мусульманского мира не отражала национальные интересы России. После разгрома олигархов и огосударствления добычи и экспорта углеводородов возможности сотрудничества России с ОПЕК могут возрасти.

В середине нынешнего десятилетия Москва неожиданно стала рассчитывать на то, что энергодобывающие страны могут стать союзниками при регулировании цен на нефть и газ. Очевидно, на это ее натолкнуло «открытие», что Россия, чей ежегодный экспорт газа достиг 270 млрд куб. м, при диктате цен производителей сможет увеличить доходы еще на несколько миллиардов долларов⁴⁹.

Знаменательным шагом в этом направлении стало предложение о создании «газового картеля» (первоначально высказанное Ираном, но Россия попыталась наполнить его конкретным содержанием), аналога ОПЕК, основу которого должны были составить Россия, а также Катар, Иран и Алжир. Эти четыре страны дают 42% мировой добычи газа. Такая организация могла бы ограничить свободу маневра стран-потребителей, в первую очередь в Европе. Однако авторы этого проекта не учли такие простые обстоятельства, как невозможность быстрых изменений цены на газ (в отличие от цены на нефть), долгосрочность газовых контрактов в отличие от нефтяных, особенности транспортировки газа и т. д.

Идея «газового картеля», к которой скептически отнеслись эксперты в самой России и которую с раздражением восприняли в Европе и США, не нашла должного понимания и среди его потенциальных мусульманских участников. На состоявшейся в апреле 2007 г. в Дохе (Катар) встрече стран — экспортеров газа никаких документов на этот счет подписано не было. Впоследствии она была отклонена Алжиром, который не хочет обострять отношения с европейскими клиентами. Президент Ливийской нефтяной компании, бывший премьер Ливии Шукри Ганем сказал, что речь может идти не о создании аналога ОПЕК, но о «большей координации», чтобы избежать ненужного соперничества и обмениваться взаимовыгодной информацией»⁵⁰.

Что можно сказать об отношениях России с отдельными государствами?

В конце 1990-х годов возникли надежды на сотрудничество с Саудовской Аравией, прежде всего «на большие потенциальные возможности этой страны в области инвестирования в российский ТЭК»⁵¹. Шли разговоры об участии королевства в разработке ресурсов в России и странах СНГ. Весной 1997 г. Москву даже посетила делегация саудовских нефтяников. Однако сотрудничество на постоянной основе так и не состоялось.

В 1991 г. была создана совместная компания «Петросах», контрольный пакет которой находился в руках саудовской «Нимр Петролеум» (по данным Российско-арабского делового совета, она была организована при равном долевом участии «Нимр» и российской компании САМЕКО). Несмотря на то что эта компания инвестировала в разработку нефти на Сахалине 100 млн долл., в 1997 г. сотрудничество было приостановлено, а впоследствии «Петросах» была преобразована в закрытое акционерное общество.

В середине 2002 г. российско-саудовские отношения внезапно обрели новый импульс. Это было вызвано обострением американо-саудовских противоречий, а также появившимися слухами о том, что США якобы рассматривают возможность замены саудовской нефти на российскую при создании стратегических запасов. Соединенные Штаты пытались использовать Россию для давления на монархию. Столкнувшись с трудностями в отношениях со своим главным партнером, в Эр-Рияде сочли уместным подстраховаться и сыграть на противоречиях

⁴⁷ Батыршин И. Торгово-экономические связи Российской Федерации со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: современные тенденции и потенциал развития. — М., 2007. — С. 39. — (Аналит. докл. / Науч.-координац. совет по междунар. исслед. МГИМО (У) МИД России; вып. 2 (17) (апрель 2007)).

⁴⁸ Кравец М. Нефть 2020: прогноз ОПЕК // Нефтегаз. вертикаль. — 2004. — № 2. — С. 54.

⁴⁹ Головокружение от ОПЕКов // Независимая газ. — 2008. — 25 янв.

⁵⁰ Посеяли зерна...

⁵¹ Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия. — М., 1999. — С. 122.

между США и Россией. Осенью 2002 г. был подписан протокол о многостороннем сотрудничестве, создан саудовско-российский бизнес-клуб, многие высокопоставленные российские чиновники были приглашены посетить королевство. Тогда же оживились разговоры о взаимодействии в нефтяной сфере. Вместе с тем Москва повела себя достаточно осторожно. Многочисленные заявления, в том числе министра энергетики Игоря Юсуфова, гласили, что Россия не намерена конкурировать с королевством на американском нефтяном рынке, а речь идет только об одnorазовом восполнении возможного дефицита⁵².

Реального сотрудничества с Саудовской Аравией в энергетической сфере по сей день так и нет. Правда, российский ЛУКОЙЛ приступает к осуществлению проекта по разведке и добыче природного газа в Руб аль-Хали стоимостью 2–3 млрд долл., но тамошние газоносные поля невысокого качества, и их эксплуатация не принесет заметной прибыли.

На этом фоне неожиданным прорывом мог стать выигрыш ОАО «Российские железные дороги» тендера на строительство железной дороги Аз-Забира — Эр-Рияд протяженностью 520 км, проект которой оценивался в 800 млн долл. Саудовцы согласились на это предложение из-за чрезвычайно низкой запрошенной россиянами цены. В самой России ОАО РЖД взяло бы за аналогичную трассу в четыре раза больше⁵³. Однако проект внезапно провалился по чисто политическим причинам. В начале 2008 г. во время визита Владимира Путина в Ливию был заключен впечатляющий контракт 3,5 млрд долл. на строительство железной дороги Сирт — Бенгази. Это вызвало сильное раздражение у саудовцев, имеющих крайне натянутые отношения с ливийцами. Эр-Рияд не простил Москве соглашение с Муаммаром Каддафи и отменил достигнутую было договоренность.

Незначительным остается сотрудничество с Кувейтом. Кувейт, который заинтересован в России как в факторе стабильности в Персидском заливе, в 1987–1991 гг. предоставил СССР кредиты на 1 млрд долл., который затем был переадресован России. Впоследствии кувейтцы выделили дополнительный кредит⁵⁴. Однако непосредственно в сфере нефтедобычи никакого прогресса нет. Не привнес ничего нового в российско-кувейтские отношения и учрежденный в 2008 г. Российско-кувейтский деловой совет.

До 2003 г. тесные экономические отношения с Россией поддерживал Ирак. В 1997 г. ЛУКОЙЛ подписал в этой стране контракт (его доля в проекте составляла 68,5%), но в 2002 г. он был аннулирован из-за контактов ЛУКОЙЛа с оппозицией Хусейну и американским правительством, что впоследствии якобы гарантировало его возобновление после свержения саддамовского режима⁵⁵. Однако и после 2003 г. перспективы ЛУКОЙЛа выглядят неубедительно. Офис компании закрыт. Месторождение «Западная Курна-2», на которое ЛУКОЙЛ рассчитывал, превратилось в смешанный проект с участием американской «Conoco-Philips». Для продвижения интересов компании Россия согласилась на списание части иракского долга, но и после этого новые местные власти не проявили большого интереса к сотрудничеству с ЛУКОЙЛом. Туманно положение и российской компании «Стройтрансгаз». У нее есть контракт с новым правительством на геологоразведку, но работы пока не ведутся.

Нет полной ясности относительно сотрудничества в газовой и нефтяной сфере с Ираном. В 1996 г. «Газпром», совместно с французской компанией «Тоталь» и малайзийской «Петронас» подписали контракт на разработку газового месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе. Соединенные Штаты настаивали, чтобы этот контракт был аннулирован, но Россия, Франция, ЕЭС и Малайзия, объединив усилия, преодолели американский нажим. Общая стоимость проекта составляла примерно 2 млрд долл.

В конце 2007 г. во время визита в Москву заместителя министра нефтяной промышленности Ирана Хосейна Нокрекара-Ширази «Газпром» вновь предложил Тегерану совместную разработку «Южного Парса», а также создание элементов хранения газа и соответствующей инфраструктуры. В феврале 2008 г. в Тегеране председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер подписал контракт на разработку месторождений «Южный Парс» и «Кирш», а также о сооружении крупного газохранилища. Любопытно, что вслед за этим акции «Газпрома» на Лондонской бирже повысились сразу на 2,16%⁵⁶. Стороны также обсуждали вопрос о строительстве трубопроводов в районах добычи углеводородов на Каспии, что выглядело достаточно странно в условиях нерешенной проблемы демаркации этого водного бассейна.

⁵² Russian Business Monitor. — 2002. — Oct. 16.

⁵³ Екимовский А. ОАО РЖД тянет рельсы на Ближний Восток // Коммерсантъ. — 2008. — 22 янв.

⁵⁴ Жизнь С. З. Указ. соч. — С. 221.

⁵⁵ Заславский А. Российская добыча на Ближнем Востоке // Pro et Contra. — 2006. — № 2–3 (32). — С. 46–47.

⁵⁶ Тер-Оганов Н. К. Иран делает ставку на природный газ / Ин-т Ближ. Востока // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/05-03-08.htm>.

Наконец, помимо частных соглашений было принято решение о проведении постоянных консультаций между специалистами.

В то же время Иран остается потенциальным конкурентом России в сфере экспорта газа. Опасающиеся монополии «Газпрома» на рынках старого континента европейцы рассчитывают ограничить ее в том числе с помощью иранских поставок и создания газопровода из Ирана, который пойдет минуя Россию (сегодня Иран экспортирует всего лишь 5,6 млрд куб. м и только в Турцию). В 2006 г. во время крайнего обострения российско-грузинских отношений Тбилиси, опасаясь перекрытия трубы из России, подстраховался, заключив небольшой контракт на поставку газа из Ирана.

Российская «Татнефть» внедряется в Иран, Ирак, Сирию, предлагая сервисные услуги и поставки оборудования. Но ее контракты ограничиваются лишь несколькими сотнями тысяч долларов. В 2005 г. «Татнефть» выиграла аукцион на геологические изыскания и разработку участка в 2,3 кв. км в ливийской провинции Гадамес. Считается, что успех «Татнефти» состоялся благодаря действиям реформаторского крыла в ливийском руководстве, мечтающего доказать стареющему Муаммару Каддафи перспективность сотрудничества с зарубежными компаниями. Все более заметной становится активность «Газпрома», который совместно с «Татнефтью» приступил к освоению сразу 6 нефтегазовых месторождений, а после посещения Ливии А. Миллером создал совместное предприятие с Национальной нефтяной компанией Джамахирии.

В 2006–2007 гг. намечалось развитие связей «Газпрома» с алжирской нефтегазовой компанией «Сонатраш», одним из главных поставщиков природного газа в Европу. В 2006 г. А. Миллер и глава «Сонатраш» Мухаммад Мезьян подписали меморандум, предусматривающий, в частности, сотрудничество в третьих странах. Сотрудничество с Алжиром для «Газпрома» считалось наиболее привлекательным, поскольку российские газовики рассчитывали таким образом не только усилить собственные позиции в Европе, но и договариваться о взаимодействии в сфере ценообразования. Однако спустя полтора года стало очевидно, что масштабное сотрудничество с «Сонатраш» не состоялось. По словам М. Мезьяна, подписанный во время визита Путина в Алжир меморандум с «Газпромом» «не привел ни к чему конкретному». В результате алжирцы активизировали сотрудничество с французской компанией «Газ де Франс». В то же время компании «Роснефть» и «Стройтрансгаз» приступают к разработке двух нефтяных месторождений, промышленная эксплуатация которых может начаться в 2011 г.

Активно действует Россия в Центральной Азии (как уже указывалось, вопросы, связанные с этим регионом, выносятся за скобки). Здесь ее позиции достаточно сильны, и нефтяные компании и «Газпром» стремятся к максимальному расширению своего присутствия. В то же время «скорее всего, возрастающее российское присутствие в энергетике Центральной Азии так и не станет решающим для экономических и политических судеб этих государств, поскольку Россия будет здесь сталкиваться с усиливающимся влиянием других международных игроков, таких, как Китай, Индия, США или Европа»⁵⁷.

Строящиеся и проектируемые нефте- и газопроводы будут проходить по территориям Ирана, Афганистана и Пакистана. Трансафганский газопровод, строительство которого обсуждается без малого полтора десятка лет, еще больше актуализирует проблему радикального ислама и «неоталибов», чья активность приводит к дополнительной напряженности на землях северных соседей России.

Любая энергетическая инфраструктура в Евразии независимо от направления пролегает по мусульманским землям. Одно это обстоятельство актуализирует «исламский фактор», прочно увязывая его с проблемами энергетики. Нефтяные и газовые магистрали являются одновременно и «трубой мира», и «трубой раздора»: с одной стороны, в трубопроводе, в порядке вокруг него заинтересованы все, по чьей территории он проходит, с другой — порядок или отсутствие такового оказываются удобным объектом шантажа и торга.

Сотрудничество России с мусульманским нефтяным и газовым бизнесом носит ситуативный спорадический и в целом малоэффективный характер (Центральная Азия стоит особняком). Разговоры о возможности его расширения напоминают бытовавшие в 1990-е годы разговоры о так и не состоявшемся приходе в Россию «исламского капитала». В перспективе на углеводородном направлении трудно ожидать прорыва. Можно предположить, что постоянное расширение рынков сбыта, устойчивое развитие Юго-Восточной Азии, Китая, рост потребности в энергоносителях в Африке предполагает некоторое ослабление конкуренции между экспортерами. Однако, с другой стороны, стремление главных потребителей нефти и газа диверсифицировать энергетический импорт может привести к обострению этой конкуренции.

⁵⁷ Олкотт М. Б. «Дружба народов» в мире энергетики // Pro et Contra. — 2006. — Март—июнь. — С. 32.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Сотрудничество России с мусульманскими странами в военной области, как и во времена СССР, остается в значительной степени фактором политики. Общая сумма продаж оружия исламским государствам заметно уступает показателям торговли с главными российскими партнерами — Китаем и Индией. С 1995 по 2005 гг. российский экспорт вооружений достигал 48,695 млрд долл., из которых почти 60% пришлось на Китай и Индию⁵⁸ (к 2008 г. совокупная доля Китая и Индии снизилась до 55%, зато несколько возросли поставки в Латинскую Америку, в первую очередь в Венесуэлу⁵⁹).

В 2004 г. экспорт продукции военного назначения на Ближний Восток и в Северную Африку составил лишь 10% его общего объема⁶⁰. Россия не может осуществить масштабный выход на рынок вооружений Ближнего Востока. Хотя надежды на это после 11 сентября 2001 г. и осложнений, возникших у США со странами Персидского залива, казалось бы, появились. Рост торговли сдерживается конкуренцией американцев и европейцев, вооружение которых в плане современных технологий превосходит российское. В 1990-е годы поставки оружия тормозились колоссальной задолженностью мусульманских стран Советскому Союзу. Прямые долги Ирака превышали 9,421 млрд долл., Сирии — 1,378 млрд⁶¹, Алжира — 4,7 млрд⁶². Правда, в последние годы эти долги благодаря так называемой системе компенсаций были реструктурированы и сокращены. Так, алжирский долг был сокращен на 40%⁶³, а в 2006 г. фактически ликвидирован, поскольку стал использоваться в качестве зачета в российско-алжирских экономических отношениях. На 73% был сокращен долг Сирии⁶⁴.

Продажи российского оружия в большинстве случаев не влияют на стратегический баланс сил между мусульманскими государствами и их немусульманскими противниками. Тем не менее поставки на Ближний Восток, а также в Иран поддерживают у некоторых режимов, а также у мусульманских радикалов ощущение собственной силы, меньшей уязвимости и в отдельных случаях подталкивают их к более жесткой политической позиции. Политический акцент наиболее выражен в военных поставках членам «оси зла» — Сирии и Ирану, а также ливанской «Хизбалле». Среди мусульманских стран чаще всего контракты на закупку оружия заключают Алжир, Йемен, ОАЭ.

На вооружении Сирии, у которой «не сложились» отношения с США и Европой, по-прежнему находится устаревшее, нуждающееся в перманентном ремонте советское оружие. Например, она закупила у СССР 200 вертолетов, из которых сейчас эксплуатируется 60, и поддерживать их в рабочем состоянии становится все труднее. Ее авиационный парк составляют истребители МиГ различных модификаций, полученные в 1970—1980-е годы средства ПВО. Остается на вооружении и советская бронетехника. Военное сотрудничество фактически сводилось к поддержанию в состоянии боеготовности уже имеющегося оружия. Новое современное оружие из России поступало редко, в основном это были средства борьбы с танками, а также боеприпасы для стрелкового оружия.

Ситуация изменилась, когда в январе 2005 г. Россия приняла решение списать 73% сирийского долга при условии получения новых заказов на военную технику. В результате в ходе визита в 2006 г. в Дамаск начальника российского Генерального штаба Юрия Балуевского был заключен контракт на поставку зенитно-ракетных комплексов малого радиуса действия (до 5 км) «Стрелец», «Панцирь-С1», а также комплексов «Бук-М2» и «Тунгуска»⁶⁵.

В 2006 г. в связи с военным столкновением между Израилем и «Хизбаллой» был поднят вопрос о том, что на вооружении у этой признанной на Западе террористической группировки находится российское оружие. В самом деле, «хизбаллахи» располагали некоторым количеством установок «Град», боевыми машинами пехоты и танками еще советского производства. Будучи

⁵⁸ Exported weapons from Russia in 1995—2005 // http://web.sipri.org/contents/armstrad/at_data.html.

⁵⁹ Цифры, характеризующие военно-техническое сотрудничество России с мусульманскими странами, по вполне понятным причинам далеко не всегда являются абсолютно точными.

⁶⁰ АРМС-ТАСС (<http://www.armstass.su/?page=article&aid=20735&cid=43>).

⁶¹ Приложение 51 к закону «О федеральном бюджете на 2007 год» — размер долга иностранных государств по кредитам, предоставленным правительством бывшего СССР и правительством Российской Федерации (по состоянию на 1 января 2006 г.).

⁶² На самом деле долги выглядят еще более впечатляюще. Так, только прямой долг Ирака составляет 7 млрд долл. (Миронов Н. В. Нефтяная промышленность Ирака — есть ли у российских компаний перспективы принять участие в освоении богатейших ресурсов региона после снятия санкций ООН? // *Внешнеэкон. вестн.* — 1998. — № 7 — С. 51).

⁶³ АРМС-ТАСС (<http://www.armstass.su/?page=article&aid=20735&cid=43>).

⁶⁴ Снять осаду Асада // *Время новостей.* — 2006. — 5 дек.

⁶⁵ Плугатев И. Генштаб не забывает о военном сотрудничестве с Сирией // *Независимое воен. обозрение.* — 2002. — 10 февр.

сильно устаревшим (кое-какая техника была произведена в 1970-е, а то и в 1960-е годы), в глазах израильтян оно все же выглядело символом поддержки Россией исламистов. На вооружении у «хизбаллах» были лишь считанные единицы современной боевой техники (противотанковые ракетные комплексы «Корнет-Э» и «Метис-М»), переданные им Сирией⁶⁶.

Аналитики отмечают «высокую степень закрытости российско-иранского военно-технического сотрудничества»⁶⁷, что допускает возможность заключения и реализации контрактов, которые могут качественно улучшить систему обороны Ирана. В Иране и без того немало советской военной техники. Например, на вооружении армии и Корпуса стражей исламской революции находятся сотни танков Т-72М1 и Т-55, а также БМП и БТР. В 2004 г. завершилась поставка в Иран 36 вертолетов Ми-171Ш, в 2005 г. заключен контракт на модернизацию 30 фронтовых бомбардировщиков Су-24, на которых возможна установка тактического ядерного оружия⁶⁸.

Наиболее важно для Тегерана заполучить современные средства ПВО, прикрывающие ключевые объекты иранской ядерной программы. По имеющейся информации в соответствии с одним из планов Пентагона удар может быть нанесен примерно по 1200 иранским военным и ядерным объектам⁶⁹ (впрочем, иногда называют и другие цифры — 1500, 2000). Их прикрывают 300 зенитно-ракетных комплексов, 80% которых «являются обыкновенным утилем»⁷⁰. Иранцы прекрасно понимают необходимость модернизации их системы противовоздушной обороны. Это обстоятельство стало еще более очевидным после удара в сентябре 2007 г. израильской авиации по ядерному объекту в Сирии.

10 зенитно-ракетных комплексов С-200 и 6 С-300 были закуплены Ираном у Белоруссии еще в середине 1990-х годов. Однако этого явно недостаточно, чтобы прикрыть иранское небо. Поставки из России современных средств противовоздушной обороны, в частности, зенитно-ракетных комплексов С-300, все еще остаются лишь возможностью. Однако и эти сравнительно современные установки не дадут полной гарантии защиты стратегических объектов от удара, поскольку их радиолокационные системы легко подавляются более технологичными средствами. К тому же боевая работа на С-300 требует переобучения персонала.

В 2005 г. был заключен контракт на поставку 30 зенитно-ракетных комплексов «Тор-М1» (общая сумма 1,4 млрд долл.), которые, по мнению российской стороны, не нарушают баланс сил в регионе. По словам вице-премьера Сергея Иванова, «нравится ли это кому-нибудь или нет, но контракт будет выполнен»⁷¹. Эти поставки вписываются в общий подход России к иранской ядерной программе.

Сотрудничеству России с Ираном в сфере ядерных технологий, которое выходит за пределы собственно экономической кооперации, сопутствует военная составляющая. Появляется повод и для рассуждений о том, какие последствия для России может иметь создание Ираном ядерного оружия, которое иногда интерпретируется как «исламская атомная бомба». Само это понятие — идеологема, а то и просто лежит в области эмоций. Однако, оказавшись на вооружении сил, придерживающихся исламистских убеждений, ядерное оружие может быть представлено именно как средство отстаивания интересов ислама. Если остановить распространение ядерного оружия не удастся, то помимо Ирана ближайшие мусульманские кандидаты на владение им — Египет и Саудовская Аравия.

Если «атомная бомба» перестанет быть в исламском мире раритетом (сегодня она есть только у Пакистана), престиж России среди мусульман понизится. Во-первых, уменьшится пиетет перед ее статусом ядерной державы, во-вторых, снизится потребность в ней как в контрбалансе (пусть иллюзорном) Соединенным Штатам. Россия явно проиграет в случае обретения ядерного оружия Ираном еще и потому, что в этом случае Тегеран, поверив в свою неуязвимость, станет еще более неуступчив, например, в вопросе о разграничении Каспия.

Против военно-технического сотрудничества России с Ираном и Сирией решительно выступают Соединенные Штаты, которые неоднократно предпринимали попытки его прекратить. В мае 2002 г. в ежегодном докладе Государственного департамента США Иран был назван «самым активным спонсором терроризма». Вашингтон запретил деятельность в США

⁶⁶ См.: Military Spending and Armaments: SIPRI Year book. — [S. l.], 2007. — P. 410.

⁶⁷ Экспорт вооружений. — 2005. — № 5. — Сент.—окт. (http://www.cast.ru/journal1/2005/5_2005_2/?form=print).

⁶⁸ Канаев П. США запретили российское оружие // Взгляд: Деловая газета. — 2006. — 5 авг. (<http://www.vz.ru/economy2006/8/5/44155.html>).

⁶⁹ Baxter S. Pentagon “three-day blitz” plan for Iran // The Sunday Times. — 2007. — Sept. 2.

⁷⁰ <http://www.islamnews.ru>.

⁷¹ США обеспокоены военно-техническим сотрудничеством Ирана и РФ (опубликовано на сайте Страна.Ru 8 декабря 2005 г.).

компания «Сухой» и «Рособоронэкспорта», ссылаясь на принятый в 2000 г. американский закон «О нераспространении в отношении Ирана», запрещающий поставки туда некоторых типов вооружений и соответствующих технологий. Правда, после встречи Буша и Путина санкции против «Сухого» были отменены. Зато в 2007 г. последовали санкции против Коломенского КБ машиностроения и Тульского КБ приборостроения.

«Под присмотром» находятся и военно-технические контакты Москвы с Дамаском. Контракт с Сирией на поставки зенитно-ракетного комплекса «Игла» в 2005 г. был отменен из-за подписания Россией и США соглашения по ограничению поставок вооружений в конфликтные районы и регионы мира. «Игла», как в свое время признал генеральный директор «Рособоронэкспорта» Сергей Чемезов, именуется «оружием террористов», она «легко переносится и может эффективно использоваться»⁷². Не состоялся контракт на поставку в Сирию зенитно-ракетного комплекса с радиусом действия до 300 км С-300ПМУ2 «Фаворит» и оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер-Э». То же произошло с контрактом на поставки самолетов Су-30МКИ и МиГ-31Э. Против этой сделки также выступили США и Израиль, и Москва отказалась от нее.

Россию вмешательство в ее и без того непростые отношения с мусульманскими партнерами раздражает, и она пытается его ограничить. Статс-секретарь — заместитель председателя Комитета по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами Юрий Хозяинов считает, что России важно «воспрепятствовать составлению и принятию в качестве официальных документов так называемых черных списков импортеров вооружений, в составе которых могут оказаться традиционные партнеры России по ВТС, например, такие страны, как Сирия, Ливия, Иран»⁷³. Настойчивость, порой на грани фола, приносит России результаты — сотрудничество продолжается. Однако в Москве понимают, что военное сотрудничество с Ираном и (в меньшей степени) Сирией имеет пределы, и оно ограничено не только давлением США, но и авантюризмом самих получателей оружия.

Продажа вооружений остальным мусульманским странам — дело аполитичное, сугубо коммерческое. Самым крупным клиентом по закупкам самолетной техники на Ближнем Востоке в середине 2000-х годов был Йемен, куда еще в 2002 г. было поставлено 16 МиГ-29 разных модификаций, а в 2004 г. Россия приступила к их модернизации.

Теперь его обошел Алжир, куда с 2004 г. было продано 42 транспортно-боевых вертолета на сумму 180 млн долл. В 2005—2006 гг. планировалось поставить в эту страну 49 МиГ-29 (контракт на 1,8 млрд долл.). В ходе визита Владимира Путина в марте 2006 г. было подписано несколько контрактов на 6,3 млрд долл.⁷⁴, что на тот момент выводило Алжир по закупкам российского вооружения на третье место после Китая и Индии. Однако в 2008 г. в связи с решением Алжира вернуть в Россию 15 истребителей МиГ-29 из-за их низкого качества (у нескольких поставленных самолетов были старые, бывшие в употреблении фюзеляжи) военно-техническое сотрудничество между двумя странами застопорилось. Фактически Алжир денонсировал контракт, рассчитанный на поставку всех истребителей этого типа. Положение осложнялось тем, что Российская самолетостроительная корпорация «МиГ» уже получила в качестве аванса за поставки 250 млн долл.

Москва пыталась представить дело так, что позиция Алжира изменилась под давлением внешних сил, в частности Франции, которая конкурирует на алжирском авиарынке с Россией, и даже в результате давления НАТО. Однако было очевидно, что не конкуренция (хотя она действительно имеет место) было первопричиной алжирского недовольства. Речь действительно шла о качестве техники. Компромисс был все же найден: Алжир предложил заменить некачественные МиГи на более надежные 14 (или 16) Су30МКИ(А). Ранее Алжир уже заключил договор с Научно-производственной корпорацией «Иркут» на поставку 28 самолетов этого типа на сумму примерно 2,5 млрд долл.⁷⁵

Недоразумение с самолетами — второй эпизод такого рода в российско-алжирских отношениях. В 1990-е годы между двумя странами был заключен контракт на 100 млн долл. на модернизацию двух боевых кораблей. Однако качество модернизации оказалось столь низким, что алжирцы отказались перечислять последний транш в 26 млн долл.

«Алжирский скандал» оказался для России очень болезненным еще и потому, что одновременно с этим у нее возникли проблемы с поставками боевой техники в Индию и Китай. Все это

⁷² Вести+ (РТР), 2 ноября 2005 г.

⁷³ Экспорт вооружений. — 2002. — № 4. — Июль—авг. (http://www.cast.ru/journal1/2002/4_2002export/?form=print).

⁷⁴ Куделев В. В. О некоторых итогах визита президента Алжира Абдельазиза Бутефлики в Москву / Ин-т Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/rus/stat2008/26-02-8c/htm>.

⁷⁵ Лантратов К., Гришкова А. Алжир Пересаживается на «Су» // Коммерсантъ. — 2008. — 15 мая.

не могло не отразиться на общем отношении к российскому вооружению. В итоге проблемы поставок в 2008 г. нередко «разруливались» на самом высоком — президентском — уровне.

Похоже, может реанимироваться военно-техническое сотрудничество с Ливией, что было подтверждено во время визита в декабре 2007 г. в Триполи министра иностранных дел Сергея Лаврова. Эта уверенность окрепла после поездки в эту страну Владимира Путина. Переговоры шли по накатанной колее: Ливия признала свой долг в 4,6 млрд долл., который Россия немедленно списала, в обмен на расширение экономического сотрудничества. Москва рассчитывала, что сотрудничество в военно-технической области достигнет 4 млрд долл.⁷⁶ Амбициозные ливийцы проявляют интерес к новейшему оружию (возможно, они учли опыт Алжира) — истребителям Су-35, вертолетам Ка-52 и, разумеется, комплексам ЗРК С-300 и «Тор-М1». Во время визита Путина обсуждались закупка учебных самолетов Як-130 и ремонт трех боевых кораблей. Также были подписаны контракты на модернизацию поставленного ранее советского вооружения — танков Т-72, зенитно-ракетных комплексов С-125 «Печора», «Оса-АКМ», а также трех военно-морских судов. Однако в последний момент ливийцы решили сэкономить и уложиться в сумму 2,3 млрд долл.⁷⁷ По другим сведениям, она составляет 2,9 млрд долл.⁷⁸

В начале 2000-х годов Россия попыталась вернуться на военный рынок Египта, главным союзником которого был на протяжении почти 20 лет (1954—1972 гг.) Советский Союз. Египет в 1999—2000 гг. закупил 20 российских вертолетов Ми-17-1В, был подписан небольшой контракт (150 млн долл.) на модернизацию старых комплексов ПВО С-125 «Печора», ЗРК «Квадрат», часть которых была заменена на более современные «Бук-М1-2». В 2007 г. было заключено соглашение о поставке зенитных установок ЗСУ-23-4М4 «Шилка-Стрелец». В то же время не состоялся наиболее крупный контракт на поставку 40 самолетов МиГ-29СЭ, оценивавшийся в 1,5 млрд долл. Его достижению помешали американские конкуренты. Египет — в военном отношении самое мощное государство на Ближнем Востоке, его авторитет велик во всем мусульманском мире. Поэтому восстановление с ним военно-технического сотрудничества могло бы стимулировать развитие отношений в этой сфере с другими арабскими и мусульманскими странами, однако этого пока не происходит.

Судану продано 12 МиГ-29, но сотрудничество с ним сдерживается неаккуратностью в платежах. Общая сумма контрактов с Суданом — 549 млн долл.

Из стран Персидского залива в 1990-х годах развивались отношения с Кувейтом, куда в 1995—1996 гг. было поставлено 122 единицы БМП. Объединенные Арабские Эмираты по контракту 1999 г. получили из России 50 ракетно-пушечных комплексов «Панцирь-С1». В начале 2000-х ходили слухи о возможности закупки крупной партии российских военных самолетов Саудовской Аравией. Однако они так и остались слухами: в 2006 г. королевство подписало контракт на 15 млрд евро с Великобританией на закупку 72 истребителей «Еврофайтер Тайфун» (это огорчило не столько Россию, сколько Соединенные Штаты, надеявшиеся на продажу в эту страну F-15). В 2007 г. во время визита в королевство Владимир Путин дискутировал вопрос о продаже 150 современных танков Т-90 на сумму 1 млрд долл. Очевидно, этот контракт может быть реализован, тогда как переговоры о поставках БМП-3, а также 135 вертолетов Ми-17 и Ми-35 практически застопорились. Также неясны перспективы договора относительно 20 систем ПВО «Бук-М2Э».

Минимальны военно-технические связи с Оманом. По имеющимся данным, лишь в 2000 г. султанат приобрел несколько противотанковых ракетных комплексов 9К129 «Корнет-Э», также сообщалось о возможной закупке противокорабельного ракетного комплекса «Бастион»⁷⁹.

Наиболее ходовым товаром России на мусульманском торговом рынке остаются боевые машины пехоты, танки, противотанковые ракеты и вертолеты. Традиционно пользуется спросом и знаменитый «Калашников», но он теперь поступает не только из России, но также из стран СНГ — Украины, Белоруссии, Казахстана⁸⁰, а также из Китая.

Если в прежние годы самые передовые технологии предоставлялись почти исключительно Китаю и Индии, то в 2003 г. монополии двух гигантов удалось нарушить. Был заключен

⁷⁶ Муртазин А. В шатре бедуина: итоги визита Путина в Ливию // РИА-Новости. — 2008. — 17 апр. (<http://www.rian.ru/analitics/20080417/105340522.html>).

⁷⁷ Петров Н. Тихий бизнес по-ливийски // Рос. агентство междунар. инфор. — 2008. — 18 апр.

⁷⁸ Волкова А. О возможных проблемах российско-ливийского военно-технического сотрудничества // Экспорт вооружений. — 2008. — Март—апр. — С. 2.

⁷⁹ Алиев Р. Характеристика рынка вооружений Омана // Экспорт вооружений. — 2008. — Март—апр. — С. 12.

⁸⁰ После распада СССР имевшееся в избытке устаревшее оружие включая боевые самолеты продавалось почти всеми бывшими советскими республиками.

контракт на поставку современных 18 Су-30МКМ в Малайзию, сотрудничество с которой в Москве собираются интенсивно расширять.

Постепенно развивается и космическое сотрудничество. При содействии России Саудовская Аравия запустила семь спутников, в 2005 г. был запущен небольшой иранский спутник. Подписано соглашение о полете малазийского космонавта. Следующими космонавтами-мусульманами могут стать турок и египтянин⁸¹.

Сведения о военных поставках далеко не всегда верны, ибо военно-техническое сотрудничество — деликатная сфера, окруженная тайной и чреватая мистификациями. Приведу только один, зато показательный пример: посетив в 1995 г. выставку вооружений в Абу-Даби, российский министр обороны Павел Грачев объявил о закупках российского оружия на 11 млрд долл. На самом деле Россия подписала контрактов на 1,9 млрд долл.⁸²

Выйдя в 2006 г. на второе⁸³ после США место в мире по продаже оружия, Россия оказывается перед вопросом: руководствоваться ли и далее в военно-техническом сотрудничестве с мусульманскими странами политическими соображениями или сделать главную ставку на коммерческую выгоду? Пока между чисто экономической выгодой и внешнеполитическим расчетом существует гармония. «Покровительствуя» Ирану, Россия одновременно получает чисто финансовые дивиденды. Военные поставки в Сирию символизируют самостоятельную позицию России в ближневосточном конфликте. Закупка современных самолетов Малайзией может быть представлена как намерение России содействовать одной из наиболее авторитетных мусульманских держав в усилении ее независимости от Запада.

Продажи российского оружия в большинстве случаев не влияют на стратегический баланс соотношения сил внутри мусульманского мира, а также между исламскими государствами и их немусульманскими противниками. В то же время поставки на Ближний Восток, а также Ирану поддерживают у некоторых режимов и мусульманских радикалов ощущение собственной силы, меньшей уязвимости и в отдельных случаях подталкивают их к занятию более жесткой политической позиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом российские подходы к мусульманскому миру остаются амбивалентными и, несмотря на официальные признания в любви к исламу, сближение с мусульманским миром, пользуясь выражением отставного генерал-полковника Леонида Ивашова, «относится к тактическим ходам»⁸⁴.

Показательно, что упоминавшиеся выше парламентские объединения «Россия и Исламский мир» и «Стратегическое видение: Россия — исламский мир» остаются инертными, и их деятельность ограничивается декларациями и приемами делегаций.

Интерес России к сотрудничеству с мусульманским миром обусловлен причинами политического и в меньшей степени экономического порядка. Апелляция к этому сотрудничеству носит конъюнктурный и инструментальный характер. В 2005–2008 гг., пытаясь форсировать улучшение отношений с мусульманскими странами, Владимир Путин счел, что этой цели лучше всего послужат его собственные встречи с мусульманскими лидерами. В каком-то смысле он использовал тактику, опробованную им на Западе. Однако его напор и личное обаяние, похоже, не произвели ожидаемого впечатления на мусульманских политиков. Путин пытался быть одновременно и политиком, и «купцом», лоббируя интересы российского бизнеса. Однако его предложения в газовой сфере были встречены достаточно прохладно, а сотрудничество в военно-технической области не всегда было подкреплено реальными возможностями оборонной промышленности.

В 2007 г. накануне визита в регион Путина Кремль выступил с предложением создать там систему региональной безопасности. Эта идея шла вразрез с проиранской позицией Москвы. Ее противоречивость была отмечена (в косвенной форме) министром иностранных дел Кувейта шейхом Мухаммадом ас-Сабахом, заметившим в интервью российской журналистке

⁸¹ Россия и мусульманский мир. — 2005. — № 59. — С. 41.

⁸² Баранец В. Ельцин и его генералы. — М., 1997. — С. 214–215.

⁸³ Стокгольмский международный институт исследований проблем мира считает, что Россия даже вышла на первое место в мире. Однако на этот счет у российских специалистов существует сомнения. Так, заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий Константин Макиенко полагает, что не следует «брать на веру лестные для отечественной оборонной промышленности выводы скандинавов... поскольку шведы считают не реальные деньги... а стоимость оружия и военной техники по мировым ценам» (<http://www.rutoday.ru/news/4801/>).

⁸⁴ Удар по России скоро может стать реальностью: Эксклюзивное интервью с генерал-полковником Леонидом Ивашовым // <http://www.utro.ru>.

Елене Супониной, что Кувейт «против того, чтобы у Ирана было ядерное оружие»⁸⁵. Арабские страны всерьез опасаются, что Иран в конце концов сумеет «выйти на финишную прямую» и создать собственное ядерное оружие. К тому же он уже располагает ракетами, способными доставлять его на близкие и даже средние расстояния. В серьезности такого варианта развития событий арабских соседей Ирана убеждает расширение Соединенными Штатами системы ПРО, элементы которой размещаются в Восточной Европе.

Россия так и не подобрала новый, не советский ключ к мусульманскому сообществу. У мусульман сохраняется чувство недоверия к России. Она остается для них чужой в политическом отношении и *чуждой в отношении культурном*. И в Москве, и в мусульманских столицах рассматривают взаимную симпатию чаще всего как «любовь напоказ», как средство смутить и вызвать «ревность» у Запада, «роман» с которым ни у России, ни у мусульманского сообщества не складывается.

Не принесли ожидаемого эффекта контакты с исламскими радикалами из ХАМАСа. Посреднические функции успешнее выполняют сами арабские страны, а по мнению некоторых российских аналитиков, США сумеют «превратить ХАМАС в арафатовский ФАТХ образца середины 80-х гг. прошлого века»⁸⁶, что сделает большинство его лидеров вполне пригодными для ведения переговорного процесса. Россия пока не удается четко обозначить свою нишу в ближневосточном конфликте. К началу второго десятилетия XXI в. более умеренной может стать политика Ирана, эволюционирует режим в Сирии.

Сотрудничество России с мусульманским нефтяным и газовым бизнесом носит ситуативный, sporadический и в целом малоэффективный характер. Мусульманские экспортеры де-факто поддерживают идею диверсификации транспортных маршрутов и отвергают идею «газовой ОПЕК». Разговоры о возможности расширения этого сотрудничества напоминают бытовавшие в 1990-х годах разговоры о так и не состоявшемся приходе в Россию «исламского капитала». В ближайшие годы на углеводородном направлении трудно ожидать прорыва.

Складывается впечатление, что предпринятый в последние два года «рывок» на мусульманском направлении дал весьма скромные результаты.

Отношения России с мусульманством зависят от многих причин:

- от общей внешнеполитической доктрины, связанной с внутренней обстановкой в стране;
- от того, каким образом будут выстраиваться российские внешнеполитические приоритеты;
- от политических и идеологических тенденций, которые будут определять облик мусульманского мира;
- от того, как будут складываться связи мусульман с Западом.

В конце концов российско-мусульманская «дружба» будет обусловлена тем, насколько сильной будет Россия в военно-политическом плане, насколько продвинута она будет экономически, в конечном счете — ее реальной конкурентоспособностью. Эти два момента определяют ее привлекательность как партнера в глазах мусульман.

Попутно в мусульманском мире бдительно отслеживают и демографическую ситуацию в России, а некоторые его лидеры всерьез полагают, что их внуки будут общаться с Россией уже как с «полумусульманской», а внуки их внуков — как с мусульманской державой.

Еще одним обстоятельством, которое может способствовать сближению мусульманского мира с Россией, может оказаться его радикализация на религиозной основе, усиление антизападных настроений, что побудит его относиться к ней как в вынужденному союзнику.

⁸⁵ В случае ядерной катастрофы в Персидском заливе нам нечего будет пить // Время новостей. — 2006. — 24 мая.

⁸⁶ Мир вокруг России. — М., 2007. — С. 143.

О ФОНДЕ КАРНЕГИ

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

В серии «Рабочие материалы» Московского Центра Карнеги вышли:**2008**

Выпуск 1. Внутренняя Ситуация в Иране: «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 28 ноября 2007 г.

Выпуск 2. *Нина Пусенкова, Анна Бессонова.* Блеск и нищета российской нефтепереработки.

2007

Выпуск 1. Что будет в Туркменистане? «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 23 января 2007 г.

Выпуск 2. *Маррак Гулдинг.* Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество.

Выпуск 3. *Алексей Арбатов.* Москва – Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики.

Выпуск 4. *Нина Пусенкова.* Восток есть восток: новая нефтегазовая провинция России.

Выпуск 5. *Андрей Макарычев, Сэмюэл А. Грин.* Перспективы прозрачности в российском ресурсодобывающем секторе.

2005

Выпуск 1. *Марта Олкотт.* Владимир Путин и нефтяная политика России.

Выпуск 2. Гражданское общество: экономический и политический подходы.

Выпуск 3. Гражданское общество и политические процессы в регионах.

Выпуск 4. *Владимир Милов, Иван Селивахин.* Проблемы энергетической политики России.

Выпуск 5. *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества.

Выпуск 6. *Анна Бессонова.* Требования ВТО и российское законодательство.

2004

Выпуск 1. *Василий Михеев.* Восточно-азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России.

Выпуск 2. *Алексей Малащенко.* Бродит ли призрак «исламской угрозы»?

Выпуск 3. *Ахмед Ахмедов, Евгения Бессонова, Елена Гришина, Ирина Денисова, Денис Некипелов, Иван Черкашин.* Вступление в ВТО и рынок труда в России.

Выпуск 4. *Ксения Юдаева.* Что ждут от ВТО российские предприятия: результаты опроса.

Выпуск 5. *Константин Козлов, Денис Соколов, Ксения Юдаева.* Инновационная активность российских предприятий.

Выпуск 6. *В. В. Михеев, В. Б. Якубовский, Я. М. Бергер, Г. В. Белокурова.* Северо-Восточная Азия: Энергетические стратегии безопасности.

Выпуск 7. *Андрей Шлейфер, Дэниел Трейсман.* Обычная страна.

Выпуск 8. *Анатолий Ширяев.* Организационно-методическая концепция реформирования военного образования.

Выпуск 9. Влияние российских групп интересов на политику России в отношении Белоруссии.

Выпуск 10. *Рой Алисон.* Центральная Азия и Закавказье: региональное сотрудничество и фактор российской политики.